

Маршал Василевский

«Самая сильная и колоритная фигура стратегического командования»

...Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности.

Вот его некоторые положения.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население».

«Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке... Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны, территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция — наши отцы, матери, жены, братья, дети. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, — стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла. Заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину».

«Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад!»

«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

«Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает вес больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Приказ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток», что от такого отступления не будет якобы вреда. Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять и к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление воинами без приказа боевых позиций. Этим приказом вводились штрафные батальоны.

Некоторые буржуазные историки все содержание этого приказа сводят к мерам принуждения; отбрасывая его политические и моральные стороны, утверждают, что введенные приказом № 227 меры принуждения явились главной причиной победы советских войск под Сталинградом. Политический смысл таких передержек и манипуляций понятен.

Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас прежде всего привлекло его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и

кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдаем борьбе. Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шла от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, уже перестали быть неременной, настоятельной необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом и окружения немецко-фашистской группировки на берегу Волги...

...Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни 6-я и 4-я танковые немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничивали его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага и ни в коем случае не допустить его продвижения вдоль Волги на север, в сторону Камышина.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что, кому нужно, он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г. К. Жуковым могли довести до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них, — и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправдана...

...Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и некомпетентно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой...

...Хочу дополнительно сказать несколько слов о И. В. Сталине как Верховном Главнокомандующем.

Полагаю, что мое служебное положение в годы войны, моя постоянная, чуть ли не

повседневная связь со Сталиным и, наконец, мое участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона, на которых рассматривались те или иные принципиальные вопросы вооруженной борьбы, дает мне право сказать о нем. При этом я не буду в полной мере касаться его партийной, политической и государственной деятельности во время войны, поскольку не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе.

Оправданно ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессионально-военным деятелем.

Безусловно, оправданно...

...По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем невероятно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния.

И. В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Оборона и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего.

...Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия велись творчески, с полным учетом военной науки, чтобы они были и решительными, и маневренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операции и ее ведения. И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленной на Западе немецко-фашистской военной школы.

Большое влияние Сталин оказал на создание делового стиля работы Ставки. Если рассматривать этот стиль начиная с осени 1942 года, то его характеризовали: опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точное знание обстановки на фронтах.

Составной частью стиля работы И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего являлась его высокая требовательность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно, особенно в условиях войны. Он никогда не прощал

нечеткость в работе, неумение довести дело до конца, пусть даже это допустит и очень нужный и не имевший до того ни одного замечания товарищ.

В подтверждение этого позволю себе привести один пример — о серьезной неприятности, которую пришлось пережить одному из опытейших работников Оперативного управления Генерального штаба, В. Д. Иванову.

Во время событий на Халхин-Голе в 1939 году, как известно, советским командованием из советских и монгольских войск была создана 1-я армейская группа под управлением комкора Г. К. Жукова, а для координации действий этих войск на базе Забайкальского округа была образована фронтовая группа под командованием командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Своевременному прибытию его из Москвы в Монголию — в район боевых действий — правительством и наркомом обороны придавалось большое значение. Организация перелета была возложена на Генеральный штаб, а непосредственное и ежечасное наблюдение за перелетом было поручено начальником Генштаба временно исполнявшему должность начальника Оперативного управления В. Д. Иванову. Пользуясь информацией Иванова, Б. М. Шапошников периодически докладывал о ходе полета правительству и И. В. Сталину. В назначенный день и час Штерн долетел до Читы, с тем чтобы сразу же перелететь в конечный пункт, — для чего требовалось всего лишь менее часа времени.

На следующее утро Б. М. Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что Штерн уже находится на месте, то есть доложил то, что ему только что было доложено Ивановым. Прошло какое-то время, и снова Сталин звонит Шапошникову и начинает гневно выговаривать:

— Ваши люди лгут. У меня в руках телеграмма от Штерна, он еще в Чите. Разберитесь, и виновного под трибунал.

В. Д. Иванов был уверен, что пустячный по расстоянию перелет от Читы в Монголию совершен, не проверил этого, тогда как разыгравшаяся в Чите и на трассе буря задержала самолет.

В трибунал В. Д. Иванова все же не передали, судили судом чести и отчислили из Генштаба, а в дальнейшем он был назначен начальником штаба одной из дальневосточных армий. С началом войны он сразу же обратился к начальнику Генштаба с настойчивой просьбой перевести его для работы на фронт. В зиму 1941/42 года, когда Генштаб и особенно Оперативное управление испытывали очень острую нужду в опытных штабных работниках, я, посоветовавшись с некоторыми членами Политбюро ЦК партии, возвратил его для работы в Генштаб. Все шло нормально, и работал он хорошо. Но однажды, перед тем как ехать к Сталину, я взял Иванова с собой и по прибытии в Кремль сам отправился в кабинет Сталина, а его попросил побыть в комнате телеграфных переговоров Ставки и установить связь с командованием Южного фронта, но никого к аппарату не вызывать до моих указаний. У Сталина я получил, как это и частенько бывало, нагоняй, в данном случае за тяжелое положение на юге и указания немедленно связаться по телеграфу с командующим Южного фронта — генерал-лейтенантом Р. Я. Малиновским, уточнить у него на данный момент фронтовую обстановку и получить ответы на целый ряд вопросов, интересовавших Ставку. Во время моей беседы с Малиновским, при которой тут же присутствовал и В. Д. Иванов, в переговорную вошел Сталин в сопровождении некоторых из членов Политбюро. Послушав мой разговор, Сталин рукой отстранил меня от аппарата и, не говоря о себе, сам повел разговор с Малиновским, и разговор куда более внушительный и доходчивый, чем мой. Малиновский потом делился со мной, что он сразу не мог понять, что к чему, но очень быстро до него дошло, что отчитывает его не Василевский, а сам Сталин.

Закончив свой разговор с Малиновским, Сталин вернулся в кабинет, а я продолжал говорить с Родионом Яковлевичем. Когда я вошел затем к Сталину, он строго спросил меня:

— Это тот самый Иванов, который солгал нам о Штерне? Он опять на своем

тепленьком местечке. Выгнать его немедленно!

Я стал упрашивать оставить его в аппарате Оперуправления, так как работы уйма, а квалифицированных работников мало.

Сталин помолчал-помолчал, потом ответил:

— Ну черт с вами, только чтобы здесь я его больше не видел.

Владимир Дмитриевич хорошо работал и помогал мне. В период Сталинградской операции и операций на Верхнем Дону он был со мной на фронте и в период борьбы за Харьков был тяжело ранен и эвакуирован. По излечении он продолжал отлично нести ответственную работу на фронте, в частности, при проведении Дальневосточной кампании в 1945 году в роли заместителя командующего Забайкальского фронта он выполнил ряд сугубо важных заданий. После войны он до самой смерти также отлично работал на весьма важных постах в Вооруженных Силах — первого заместителя начальника Генерального штаба и затем начальника Академии Генерального штаба.

Я привел этот случай с В. Д. Ивановым, чтобы еще раз показать, насколько был нетерпим Сталин к малейшей неаккуратности при исполнении служебных заданий и как трудно было к нему вновь войти в доверие. Резкость и суровость Сталина в таких случаях не знали пределов.

Сталин как Верховный Главнокомандующий в большинстве случаев требовал справедливо, хотя и жестко. Его директивы и приказы указывали командующим фронтами на ошибки и недостатки, учили умелому руководству всевозможными военными действиями. Получали иногда соответствующие указания и мы, представители Ставки. В книге мною приведено немало тому примеров. Приведу еще один. Во-первых, потому, что он сам по себе достаточно любопытен, а во-вторых, он характеризует в определенной степени военное мышление и оперативность И. В. Сталина при принятии решений.

Это было в 1943 году в боях за Днепр. Когда я при очередном телефонном докладе Сталину подчеркнул, что задержка в быстром осуществлении наших планов на Нижнем Днепре вызывается нехваткой сил, которые мы, выполняя утвержденные и продиктованные Ставкой решения, вынуждены дробить здесь между несколькими направлениями, решая целый ряд задач одновременно, Сталин ответил:

— Если это так, то и не надо наступать сразу всюду. Поставьте Толбухина в оборону, ограбьте его и отдайте все, что можно, Малиновскому, пусть он наступает. Потом, когда основные задачи, стоявшие перед Малиновским, будут решены, поставьте его в оборону, ограбьте его, отдайте максимум возможного Толбухину и толкайте его в наступление. Вот это и будет правильная координация сил двух фронтов.

Я нарочно оставляю без изменения выражения, примененные Верховным, чтобы передать читателю обычный колорит его речи. Он говорил, как правило, точно, скупое и прямо.

Приходилось разное слышать по поводу личного знакомства Сталина с жизнью фронтов. Он действительно, как я уже отмечал, выезжал на Западный и Калининский фронты в августе 1943 года. Поездка на автомашинах протекала два дня и, безусловно, оказала влияние на моральный дух войск.

На мой взгляд, для Сталина, возглавлявшего руководство партией, страной в целом, не было острой необходимости в таких выездах. Наиболее выгодным и для фронта, и для страны являлось его пребывание в ЦК партии и Ставке, куда сходились все нити телефонной и телеграфной связи и потоком шла разнообразная информация. Верховному Главнокомандующему регулярно докладывали командующие фронтами об обстановке на фронтах и всех существенных изменениях в ней. На фронтах, кроме того, находились представители Генерального штаба и главных управлений Наркомата обороны. Большая информация шла Ставке также от политорганов фронтов через Главное политическое управление Красной Армии. Так что у Верховного Главнокомандующего имелась обширная информация на каждый день, а иногда и на каждый час о ходе военных действий, нуждах и трудностях командования фронтов, и он мог, находясь в Москве,

оперативно и правильно принимать решения.

У Сталина была удивительно сильная память. Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий, а также руководящих работников Наркомата обороны, не говоря уже о руководящем составе центрального и областного партийного и государственного аппарата. В течение всей войны И. В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование.

Сошлюсь на один небольшой случай, который обескуражил меня, но который в какой-то мере подтверждает сказанное.

В один из ноябрьских вечеров 1941 года в период жесточайших оборонительных боев за Москву Сталин при моем личном докладе ему о положении на фронте, установив, что я в результате напряженнейшей работы чрезмерно переутомился, вызвал в кабинет своего секретаря А. Н. Поскребышева и попросил его немедленно выяснить в санатории Архангельское, можно ли там обеспечить хороший отдых в эту ночь Василевскому. Быстро был получен ответ, что санаторий готов меня принять. Сталин приказал мне немедленно по возвращении к себе отправиться в санаторий и до утра как следует поспать... В Генштабе меня уже ожидал начальник Главного военно-санитарного управления Наркомата обороны Ефим Иванович Смирнов. Выполняя указания Сталина, мы отправились в Архангельское. К нашему приезду был готов ужин, но не успел я сесть за стол, как Сталин позвал меня к телефону. Он попросил меня напомнить, где находится Иваново-Вознесенская ополченческая дивизия. «Я что-то забыл», — добавил он.

Я не жаловался в те времена на свою память, но замешкался — дивизия передислоцировалась, и я не смог сразу назвать точно место ее нахождения на данный момент. Сталин немного подождал, а потом говорит: «Ладно, не надо, я вспомнил», — и повесил трубку. Такая память давала Сталину преимущество как Верховному Главнокомандующему. Он не нуждался в постоянных справках, хорошо знал обстановку на фронтах, положительные стороны и недостатки военачальников, возможности промышленности удовлетворять запросы фронтов, наличие в распоряжении Ставки запасов вооружения, артиллерии, танков, самолетов, боеприпасов, горючего, так необходимых войскам, и сам распределял их по фронтам.

Сталину были присущи большие организаторские способности. Он сам много работал, но и умел заставить работать в полную меру сил других, выжать из них все, что они могли дать.

Однако было бы неверно рассматривать Сталина лишь с одной точки зрения. Прямо скажу, что характер у него был на редкость нелегкий, вспыльчивый, непостоянный. Сталин трудно сходилась с человеком, долго присматривался к нему. Я уже писал, как не сразу допустил он к работе в Ставке заместителя начальника Генерального штаба А. И. Антонова. Но как только узнал его, проникся к нему уважением, и, когда пришла пора в 1945 году переключить меня для работы в качестве комфронта, он пошел на то, чтобы назначить его начальником Генерального штаба.

Если Сталин был чем-либо недоволен, а в войну, особенно в ее начале, поводов для этого имелось много, он мог резко и несправедливо отругать. Но в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами, стал относиться сдержаннее, спокойнее даже тогда, когда на фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем ранее. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина.

Такую же мысль высказал однажды К. Е. Ворошилов.

В последних числах марта 1944 года я встретился с ним, как уже отмечалось, в Мелитополе, чтобы решить вопросы, связанные с взаимодействием войск 4-го Украинского фронта с войсками Отдельной Приморской армии, где К. Е. Ворошилов

являлся представителем Ставки. Когда все вопросы были решены, мы остались с Климентом Ефремовичем наедине у него в вагоне и разговорились на разные темы, в том числе о характере Сталина. Вечер был теплый, тихий, и погода, да и обстановка на фронте располагали к «душевной» беседе, и Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил: неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами.

Климент Ефремович, подумав, ответил:

— Раньше Сталин был не таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее...

О личной жизни Сталина мне писать почти что нечего. Да, видимо, это и не имеет значения. По моим наблюдениям, у Сталина мало оставалось времени для отдыха и культурных развлечений, если не считать эпизодических посещений им театра и просмотра кино. Сталин вел жизнь человека, целиком занятого государственными делами.

После того как советские войска освободили Минск, Сталин был в прекрасном, приподнятом настроении. Как-то в один из вечеров он пригласил к себе на квартиру группу военачальников, чтобы отметить такое большое событие. На прием к И. В. Сталину С. М. Буденный пришел с баяном, и это создало непринужденную праздничную обстановку. Сталин первым положил начало откровенности и дружелюбности в отношениях между присутствующими. Произносились тосты, пели, кое-кто плясал. Сталин с удовольствием смотрел на пляшущих, подбадривал, а потом всех обнимал и некоторых даже целовал. За время неудач советских войск он много выстрадал, сейчас же был глубоко удовлетворен ходом военных действий на фронтах и не хотел скрывать своих чувств.

В ряде книг приведено немало интересных сведений о жизни Сталина. Но в некоторых из них, к сожалению, содержатся не совсем точные данные. Ради истины остановлюсь и на них.

Приходилось читать, что Сталин не был в первые месяцы войны во время налетов немецко-фашистской авиации на Москву в особняке на улице Кирова и станции метро «Кировская». Это, конечно, неверно. Сталин многократно бывал и в доме на улице Кирова, и в станции метро «Кировская», где для членов Политбюро ЦК ВКП(б) была оборудована специальная комната.

Не совсем точно показано также рабочее место Сталина. Пишут, что Сталин работал за письменным столом. За все время войны, а я бывал у него в это время часто, да и после войны ни разу не видел, чтобы он что-то за этим столом писал. Документы и бумаги действительно лежали на этом столе. Но читал ли он документы, писал ли — он всегда сидел за длинным концом стола заседаний. Отработает документы, берет и относит на письменный стол, а оттуда берет новую пачку бумаг.

Полностью согласен с Г. К. Жуковым по поводу злополучного глобуса. Его в рабочем кабинете И. В. Сталина не было, он находился в его комнате отдыха, а туда мало кто приглашался. У Сталина всегда имелись подготовленные Генштабом рабочие карты по всем направлениям и театрам войны, в каких была необходимость.

И еще деталь. Сталин любил пить чай. Обычно во время заседания он нажимает

кнопку, Поскребышев приносит стакан чаю и лимон. Сталин берет и выжимает в стакан лимон, затем идет в комнату отдыха, приносит бутылку армянского коньяка, льет из нее в чай ложку или две и тут же уносит бутылку обратно и потом во время работы пьет чай по глотку...

Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. Во всяком случае, мне этого не приходилось слышать. Звание Героя Советского Союза и звание Генералиссимуса ему было присвоено по письменному представлению в Политбюро ЦК партии командующих фронтами, И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями. О просчетах же, допущенных в годы войны, он сказал народу честно и прямо в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года...

Источник: Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978. С. 212, 213, 222, 223, 246, 494, 495, 497, 498–504.